

К.-М. Андерсон

**ФРАНЦИЯ ВРЕМЕН ДИРЕКТОРИИ
В «ДНЕВНИКАХ» Т. У. ТОНА**

**В сб. «Французская революция XVIII в.:
экономика, политика, идеология»**

М.: Наука. 1988. С.190-207.

Веб-публикация: А.Силюнас и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#)
2009

Едва шторм утих, на берег бухты Лох Суилли, что неподалеку от ирландского городка Бункрана, начали доставлять солдат с захваченного в сражении французского фрегата «Гош». Среди пленных находился молодой генерал-адъютант, именовавший себя Джеймсом Смитом. Однако джентльмен, стоявший в компании британских офицеров, тотчас узнал в нем своего однокашника по Тринити колледж Теобальда Уолфа Тона. Прозванный «ирландским Маратом», он три года назад чудом избежал виселицы, уготованной ему за крамольные призывы и деяния. На сей раз его не спас даже мундир генерала Французской Республики. Теобальд Тон, проповедник революции и независимости Эйре, был приговорен военным судом к казни. 19 ноября 1798 г. он умер в дублинской тюрьме Маршалси, перерезав себе артерию.

Тона почитали при жизни, боготворили после смерти. Перед его именем преклонялись фении. Им восхищался Джеймс Конноли². На могилу Тона совершают паломничество ирландские республиканцы всех толков — от ИРА до Фианна Файл³. Ему посвящали баллады и монографии⁴. Говорили о «времени Тона», как об эпохе столь же значительной, как «времена Робеспьера». Оранжевые и близкие к ним сочинители изображали его незадачливым проходимцем⁵. Радикалы, напротив, возносили как апостола свободы, называя его памфлеты «библией ирландского республиканизма»⁶.

Тон, вне всяких сомнений, личность выдающаяся даже для XVIII в., щедрого на великих людей. В Ирландии, которую считали чуть ли не задворками Европы, он основал массовую партию «Объединенные ирландцы»⁷. Ее борьба была, по оценке К.Маркса, подлинно революционным движением⁸. Поднятое «Объединенными ирландцами» национальное восстание 1798 г. явилось попыткой демократической революции, в которой колониальной власти противостояла организованная сила народа.

Советские историки отдают должное Тону, не идеализируя его, но и не умаляя заслуг. Взгляды и деятельность Теобальда Тона, «революционера якобинского склада»⁹, освещались в ряде исследований¹⁰. К сожалению, в отечественной литературе пока нет фундаментального жизнеописания ирландского демократа.

Судьба Тона столь драматична, что нередко о ней повествуют в стиле авантурных романов. Но к чему бы ни стремились биографы — к занимательности или вдумчивому анализу — основным источником для их книг служат «Воспоминания и дневники Теобальда Уолфа Тона»¹¹. Они были впервые опубликованы в 1826 г. сыном Тона Уильямом и не раз переиздавались, порой с неоправданными сокращениями¹².

Искренние, без тени самолюбования, «Дневники» похожи на исповедь, подобную «Исповедям» Августина и Руссо. Помимо литературных достоинств, «Дневники» привлекают уникальными, а главное, достоверными сведениями о политической жизни и революционном движении в Ирландии конца XVIII в. К запискам Тона обращался, в частности, Ф.Энгельс, работая над проблемами ирландской истории¹³.

Последние годы своей жизни Тон провел в эмиграции, сначала в США, затем во Франции. Но его имя настолько неотделимо от Ирландии, что, видимо, в силу этого о заметках Тона, касающихся Франции, упоминалось мимоходом. Между тем они заслуживают внимания.

Было бы нелепо сопоставлять записки Тона с сочинениями Т.Пэйна, Э.Бёрка или Д.Макинтоша. Теобальд Тон не притязал на создание хроники, а тем паче философского трактата о революции. Человек незаурядный, он имел собственное суждение о событиях во Франции. Но излагал его урывками, не заботясь об отточенности языка и мысли. В том не было нужды: дневники интимны, если они заведомо не предназначаются для печати. Тон же писал для самых близких ему людей.

Он любил, а точнее, был влюблен в свою жену. Обвенчался с нею тайком, «умыкнув» из родительского дома. Даже кратковременную разлуку переживал тяжело. В Париже она затянулась на год. «Я будто в Аравии, но не счастливой, а пустынной», — признавался он¹⁴. Дневник скрашивал одиночество. К тому же Тон не знал, удастся ли вновь свидеться с семьей. Но что бы ни стряслось, дневник, словно пространное послание, дошел бы по назначению. Обращаясь к жене и сыновьям, Тон подробно рассказывал о своих мытарствах, новых знакомых, о Франции.

О ней, нередко увлекательно, писали очевидцы революции. Попадая в страну, о которой ходили невероятные слухи, они порой старались не отстать и выискивали либо выдумывали нечто диковинное, способное ошеломить читателя. Подобного искушения зачастую не избегали даже авторы, подолгу жившие во Франции. Мэри Уильямс, поклонница жирондистов и знакомая Тона, провела в Париже много лет со дня взятия Бастилии до консульства Наполеона. Ее книги любопытны, но поверхностны, ибо она осталась сторонним наблюдателем¹⁵.

Тон был не обычным очевидцем. Он приехал во Францию не ради праздного любопытства. «Объединенные ирландцы» полагали, что совладать с отлаженной, мощной системой английского господства можно лишь при помощи извне. В Ирландии было немало людей, готовых сражаться за свободу. Не хватало оружия, опытных военных. Революционная Франция казалась естественным союзником ирландских демократов. Тону поручалось «перевернуть небо и землю, но добиться доступа к французскому правительству и умолять его о помощи»¹⁶. Подобная миссия требовала настойчивости, такта, хитрости, словом, всех качеств искусного дипломата. И, в первую очередь, умения освоиться в незнакомой стране. Тону это удалось вполне.

Летом 1796 г. он становится «генерал-адъютантом на службе Французской республики». Его привлекают к подготовке военной экспедиции в Ирландию. Он сводит знакомство с членами Директории, генералами, министрами. В правительственном аппарате республики Тон выполняет определенную функцию, не слишком значительную, но позволяющую разглядеть скрытые стороны политической жизни Франции. Французский генерал и посланник ирландских революционеров — одновременно и свидетель и действующее лицо. Редчайшая возможность: находиться в гуще событий, наблюдая их извне! Попробуем выяснить, сказалось ли на «Дневниках» своеобразное положение их автора?

Для того чтобы представить себе Францию, ирландцам не требовалось странствовать. Газеты, книги, карикатуры, сплетни позволяли каждому вообразить ее на свой вкус. Была своя Франция и у Тона.

1 января 1796 г. Тон отплыл из Нью-Йорка в Гавр. Он впервые отправлялся в страну, которой был обязан многим, если не всем. Некогда безалаберный молодой человек, слегка повеса, чуть прожектер, адвокат по настоянию отца и сибарит по склонностям, переменялся буквально в одночасье¹⁷. Ему было не занимать ума, живости, фантазии. Но куда их приложить? Еще в 1788 г. Тон подумывал, не завербоваться ли ему в Вест-Индию солдатом? Или увлечь Питта планом колонизации Сандвичевых островов?¹⁸ 1789 год покончил с пустопорожними выдумками. Французская революция дала точку опоры: борьба за свободу Ирландии, которая принесет с собой равенство и братство.

В начале 1790 г. он выпускает первый политический памфлет, сдержанный, но все же задевающий английскую администрацию¹⁹. Тон обретает известность. Ему льстят лидеры вигов, пытающиеся приручить талантливого публициста. Но вскоре обнаружилось, что для либерала он слишком одержим «французскими» идеями.

Многие историки исследовали влияние революции на Ирландию конца XVIII в.²⁰, да и сами ирландцы видели в коллизиях тех лет отголоски событий во Франции. «Революция пробудила все слои нации ото спячки», — утверждал Т.Тон²¹. Переворот во Франции взбудоражил страну, признавал Мак-Кенна, ярый консерватор и враг Теобальда Тона²². Мало кто оставался безучастным. «Французская революция стала пробным камнем для политических убеждений каждого, — вспоминал Тон. — Нация распалась на две великие партии — аристократов и демократов (эпитеты, заимствованные из Франции). Полагаю, нет надобности говорить, что я был демократом с самого начала»²³.

Прослыть почитателем Франции в 1789 г. не считалось зазорным. Виги ссылались на назидательный пример галлов, дабы припугнуть правительство и вынудить его на уступки. Но четыре года спустя они верноподданически приветствовали войну с Францией и просили уберечь Ирландию от «якобинских веяний»²⁴.

Тон принял революцию безоговорочно и не скрывал своих симпатий, даже когда это стало небезопасно. Революция, по его мнению, олицетворяла самые великие принципы, открытые человечеством. И потому потрясения, переживавшиеся Францией, «казались прологом потрясений вселенских»²⁵.

Революция не укладывается в обыденные понятия. Насилие неприглядно. Но стоит ли причитать о жертвах сентября 1792 г.? Парижане безжалостно перебили роялистов, содержащихся в тюрьмах. Печально, но разве аристократия не заслужила ненависти народа?²⁶ Узнав о казни Людовика XVI, Тон написал в дневнике: «Король Франции обезглавлен 21-го. К сожалению, это было необходимо»²⁷. И ни слова более.

Сквозь нагромождение мрачных эпизодов Тон пробивался к сути революции. Она не кровожадна. Ее вынуждают быть жестокой. У Франции нет выбора. И вряд ли он будет у Ирландии. «Революции не совершаются без страданий множества людей, — заявлял Тон, — но я один из тех, кто предпочитает трудности, опасности и разрушения рабству, особенно когда иных средств не существует»²⁸. Требовалась глубокая вера в правоту республиканских принципов, чтобы не сводить революцию к гильотине и, пожалуй, мужество, чтобы убеждать в этом других.

«Права французы или нет, — писал Тон в октябре 1792 г., — успеха им, ибо они сражаются и за нас»²⁹. «Галлы» творили революцию на свой лад. Тон, будь его воля, возможно, действовал бы чуть иначе. Но упрекать, а тем более осуждать Францию казалось ему недопустимым. По причинам понятным «Объединенные ирландцы» не афишировали своих планов. Все же правительство, располагавшее солидным штатом осведомителей, знало об их намерениях. «Якобинцы менее враждебны к Великобритании, нежели „Объединенные ирландцы“. Я убежден, что они связаны с наихудшими людьми Франции», — доносил в Лондон один высокопоставленный чиновник³⁰. В парламенте, в церковных проповедях «Объединенных» поносили как приспешников французских «смутьянов»³¹. Возводя клеветы на революцию, порочили собственных, «ирландских» якобинцев. Тон и его соратники защищались, защищая Францию. Если реакционеры очерняли все, связанное с этой страной, опускаясь до лжи, то «Объединенные» преднамеренно превозносили ее, огораживая от наветов революцию и себя³². Франция становилась для Тона своего рода символом. А всякий символ условен.

Почти романтическое преклонение перед Францией не мешало Тону оставаться трезвым политиком. Еще в 1791 г. только что возникшие «Объединенные ирландцы» решили «установить связи с подобными же обществами за границей, такими, как Якобинский клуб в Париже»³³. Речь шла не только о духовном союзе единомышленников, но и о союзе военном. Наладить контакты оказалось непросто, хотя некоторые из сподвижников Тона были близко знакомы с видными людьми Франции³⁴. Обе стороны соблюдали осторожность. В 1792 г. некто из окружения Тона, а возможно, и сам Тон, пытался войти в сношения с Шовеленом, французским поверенным в Лондоне, но безуспешно³⁵. Шовелен был недоверчив, а «Объединенные» еще ничем не прославились. Два года спустя уже французы стали искать сотрудничества с ирландскими революционерами. Но для посредничества избрали неподходящего человека: Уильяма Джексона, бывшего священника, замешанного в непристойных скандалах, авантюриста мелкого пошиба. Тон рискнул встретиться с ним, хотя Джексон внушал подозрения. К несчастью, напарник Джексона оказался шпиком. Вскоре последовали аресты многих членов «Объединенных ирландцев». Тону пришлось эмигрировать³⁶. Но поиски контактов с Францией не прекращались. В 1794 г. в Париж с ведома Т.Тона был направлен Г.Роуэн. Ему удалось свидеться с Робеспьером и заинтересовать его проектом военной помощи Ирландии. «Но, — вспоминал Уолф Тон, — наступило 9 термидора и падение Робеспьера. Полное изменение политики Франции, а также то обстоятельство, что каждый был озабочен лишь собственной безопасностью, привели к забвению планов Роуэна»³⁷.

Приходилось начинать все сызнова. Тону предстояло иметь дело с Исполнительной Директорией, о которой еще толком ничего не знали. Во Францию, отечество революции, Тон верил и восхищался ею. Но как политик испытывал настороженность.

«2 февраля 1796 г. Вчера, после выматывающего тридцатидневного плавания ... я сошел на берег в Гавре. Уродливый и грязный город...»³⁸ Унылая фраза. Впрочем, и другие города не понравились ему. Париж, безусловно, великолепен, но Лондон удобнее для пешеходов. Маленькие городки выглядят убого в сравнении с английскими. Подлинным разочарованием оказались француженки. «Женщины здесь некрасивы, вдобавок носят смехотворные прически», — досадовал он³⁹.

Тон подмечал покррой платья, достоинства повозок и прочие курьезы, забавные для чужеземца. Но поминал их походя, ибо был поглощен иным. С первых же дней он искал в облике Франции следы революции. Отыскивал даже в мелочах: в названии отеля — «Равенство»; в надписи на фронтоне церкви — «Французский народ признает Верховное существо и бессмертие души». Замечал пустующие замки, хозяева которых, наверное, гильотинированы, а может, сбежали «на правый, а точнее, „неправый" берег Рейна»⁴⁰. Обращал внимание на такой, казалось бы, пустяк, как предупредительность и вежливость слуг. «Я упоминаю об этом, — пояснял Тон, — поскольку меня слишком часто допекали дурацкими доводами против свободы и равенства как губительных для всякого порядка»⁴¹. Он описывал работающие мельницы, возделанные поля, людей, занятых будничными делами. Неброские сценки, но радостные: и в помине нет разорения и хаоса, о которых вещали в Британии.

Он никого не знал во Франции. Да и обзавестись знакомыми было трудновато. Тон изъяснялся «на неведомом языке, который, льстя себе, именовал французским»⁴². Он познавал страну без поводыря, порой попадая впросак. Уже в первый день он неожиданно обнаружил: «В двух кафе нет хлеба, только пирожные, оригинально!»⁴² Голод? Но в гостинице подают превосходнейший обед всего за 4 шиллинга 7 пенсов! А ведь ему все уши прожужжали сплетнями о повальном голоде во Франции⁴³. Ну чем не наивный барин, советующий беднякам есть торт, коли нет хлеба! Тона подвела поспешность суждений. У него немного денег, правда, в английской валюте. 4 шиллинга, по его словам, обменивают на 1500 ливров. Но он еще считает на шиллинги. Полгода спустя, получая жалованье в ассигнатах, он узнает подлинную цену французских денег.

Крайней нужды Тон не заметил. Но не потому, что во Франции не было обездоленных. Напротив, их становилось все больше. И все же поначалу он ни словом не обмолвился о них. Возможно потому, что Тон ирландец, а по всеобщему признанию и современников, и историков, нищета его соотечественников не поддавалась никакому описанию. Английский паупер выглядел богачом в сравнении с ирландским арендатором. После убогой, ужасающей нищеты родины могла ли потрясти Тона бедность других стран?

Узнать, как живут французы, было несложно. Но чем живут? Их умонастроения оставались тайной, которую Тону не терпелось постичь. Обыкновенные с виду люди, разве что одеты несколько иначе. И вместе с тем титаны, свергшие монарха, провозгласившие республику! Тон полагал, что революция запечатлевается не в убранстве городов, а в самих людях. Республика должна благотворно влиять на человека. Увы, не всегда это происходит. Американцы вдохновлялись теми же великими принципами, а превратились в «грубиянов, самовлюбленных скряг, целиком поглощенных наживанием денег»⁴⁵.

Тон ничего не имел против обеспеченности, но стяжательство вызывало омерзение. Ради свободы Эйре он, не задумываясь, пожертвовал бы благополучием и не только им. «Для всякого ...даже просто читавшего дневник его, — писал Е.В.Тарле, — совершенно ясно, что Вольф Тон зарезал бы и жену, и детей, и себя, не поколебавшись ни одного мгновения, если бы знал, что это обстоятельство как-нибудь выгонит из Ирландии англичан»⁴⁶. Понятие чести и долга республиканца служило Тону мерой добродетели и порока.

На первых порах Франция показалась ему нацией гражданской доблести, новыми Афинами⁴⁷. Ничто не говорило об испорченности, но все свидетельствовало о здоровой простоте нравов. Правда, кое-где сохранялась ослепительная роскошь старых времен. Ресторация во «Дворце равенства», бывшем «Пале Руаяль», поражала воображение: бесчисленные зеркала, массивные люстры, мерцающие позолоты. «Сколько лишений стоила народу отделка этой залы, — восклицал Тон, — однако отныне она открыта для каждого»⁴⁸. Аристократические изыски, оставленные революцией, не меняли общего впечатления. Они лишь выгодно оттеняли республиканскую скромность.

«Исполнительная Директория наградила генерала Журдана шестеркой лошадей, шпагой и пистолетами, — восхищался Тон. — Подарок, достойный генерала Республики»⁴⁹. Не пожизненный пенсион, не земли, а экипировка воина! Дар небогатый, но поистине бесценный! Посетив зал заседаний Совета пятисот, Тон изумился: депутаты выглядели затрапезно — они были одеты, как простые обыватели. Не пудрили волос, носили панталоны, а не кюлоты, обувались в сапоги, а не туфли. «Но их внешний вид не имеет никакого значения, — настаивал Тон. — И без напудренных локонов они покорили всю Европу, это главное. Все остальное несущественно»⁵⁰.

Нация победителей — нация воинов. И в Гавре, и в Париже почти каждый встречный или солдат, или облачен в полувоенную форму⁵¹. К армейским Тон приглядывался пристально: когда-то и он мечтал о военной карьере. Вдобавок от людей во французских мундирах зависело во многом будущее Ирландии.

Республиканская армия есть нечто особенное, ни с чем не сопоставимое. Собственно, это даже не войско, а «вооруженная нация»⁵². Маршируют отвратительно, гораздо хуже англичан или немцев. Ни стройности рядов, ни чеканности шага. Обмундирование неказистое, каждый носит его, как заблагорассудится. Часовые втыкают в петлицы букетики цветов. Не заметно особого чинопочитания. И все же «они били, как собак, и англичан, и немцев»⁵³. Следовательно, их сила не в муштре. Для Тона это открытие значило многое. Чем располагали «Объединенные ирландцы»? Отрядами полуголодных, почти безоружных людей, не ведающих дисциплины. На стороне англичан — вышколенная отборная армия. Но ирландские санкюлоты могут одолеть ее, если ими будет владеть то же воодушевление, тот же республиканский пыл, что вдохновлял французских собратьев.

Тон приехал во Францию, веря в преданность французов идеалам свободы. Он дорожил этой верой, и все, что укрепляло ее, доставляло ему истинное наслаждение. И особое удовольствие дарил театр.

«Театр — сладостный обман, если бы не он, чем бы я занялся в Париже?» — вопрошал Тон⁵⁴. Он был заядлым театралом и в молодости играл в любительских спектаклях. Об игре французских актеров судил с тонкостью знатока. Но любопытствовал увидеть воплощение революции на подмостках. Удовлетворить любопытство было несложно. К примеру, давали «Отелло» в «республиканской» трактовке: Яго был сама порядочность, Дездемону никто не душил, все кончалось благополучно. Зрителям разъясняли, что Шекспир подвергся небольшой переделке, ибо нравственность французской нации не может допустить трагического финала.

«Я восторгаюсь народом, — заметил Тон, — который на протяжении месяцев гильотинировал ежедневно по 60 человек (мужчин, женщин, детей), но не выносит ужаса, разыгрываемого на сцене»⁵⁵.

Впрочем, иные спектакли были вовсе недурны. Но ни одна драма не потрясла Тона столь глубоко, как «патриотические» пьесы. Они шли повсюду, их ставили в театрах и в зданиях церквей (чему Тон, ненавидевший клерикалов, был несказанно рад). Их сюжеты были незатейливы и однообразны. Исполнение оставляло желать лучшего. И все же это было чисто республиканское искусство, неотторжимое от Франции.

Едва приехав в Париж, Тон слушал «революционную» оперу «Подношение свободе», исполнявшуюся в соборе Парижской богородицы. В центре возвышалась статуя Свободы, подле нее алтарь, окруженный актерами в греческих одеяниях. Под звуки «гражданских песен» к алтарю приближались негры, мексиканцы, прочие угнетенные народы, несшие корзины цветов. Когда начинала звучать «Марсельеза», из-за кулис, держа трехцветное знамя, выходили национальные гвардейцы, проделывая ружейные экзерциции. Хор возвещал: «К оружию, граждане!», девушки вручали юношам шпаги и те, салютуя залу, уходили на сражение. «Невозможно передать словами впечатление от спектакля, — писал Тон. — Оказывается, я не знал, что такое энтузиазм. Он бесподобен, ибо я видел не наемных лицедеев, играющих выдуманную роль. Актеры играли самих себя: французских граждан, берущихся за оружие, дабы спасти свою отчизну от рабства»⁵⁶. Тон не видел революции в действии и потому принял действо за отражение революции. Отражение тем более правдоподобное, что зрелища, напоминавшие «патриотические» пьесы, разыгрывались и не на подмостках.

Март 1796 года. Тон на «празднике Юности», устроенном в церкви св.Рока. Статуя Свободы задрапирована национальным флагом. Возле нее офицеры в парадных мундирах и какие-то важные персоны. Помещение заполнено до отказа празднично одетыми мужчинами и женщинами. Молодых людей, достигших совершеннолетия, торжественно заносят в списки избирателей. Но герои дня — шестнадцатилетние юноши, призывающиеся в армию. Из рук своих матерей и возлюбленных они получают оружие. Все очень трогательно и вместе с тем величественно. «Я был охвачен волнением. Не удивляюсь чудесам, проявленным французской армией в битвах за свободу», — записал Тон⁵⁷.

Французы умели устраивать торжества. Впрочем, «Объединенные ирландцы» праздновали победы Франции ничуть не хуже. Иллюминированные окна Белфаста и Дублина, портреты Дантона, Пишегрю и прочих кумиров дня, марширующие волонтеры, в эмблеме которых соединялись ирландская арфа и фригийский колпак. Г, Там было неподдельное ликование, совладать с которым не могли запреты английских властей⁵⁸. Здесь же скорее политика, вполне I здравая и оправданная. «Я все более убеждаюсь в могучем воздействии подобных представлений, правильно руководимых, на ход революции», — заключал Тон⁵⁹. Надолго ли хватало искусно вызванного воодушевления, он пока не знал. Директория недурно расставляет декорации, но что творится за кулисами? Восторги Тона поутихли, едва он соприкоснулся с политикой подлинной, а не театрализованной.

Уже в начале мая он сетует: «Я влачу здесь собачью жизнь. Новизна Парижа изнасилась»⁶⁰. «Патриотические» балеты приелись. Деньги кончались. А дело, ради которого он приплыл во Францию, двигалось мучительно медленно.

После смерти Тона, когда имя его начало обрастать легендами, возникло поверье, будто он чуть ли не играючи склонил Директорию на свою сторону. Веллингтон, коего нельзя заподозрить в симпатиях к Тону, заметил: «Он был необыкновенным человеком. С сотней гиней в кармане, без рекомендаций и связей, он отправился в Париж, дабы свергнуть британское правление в Ирландии»⁶¹. И ему это едва не удалось, утверждала молва.

Действительно, уже осенью 1796 г., т.е. спустя несколько месяцев после приезда Тона, Директория готовит высадку в Ирландию. Попытка не удалась, но на следующий год формируется новый экспедиционный корпус. И вновь неудача. В 1798 г. снаряжен третий десант, закончившийся для Тона трагически. На этом - попытки прекратились. Невольно напрашивается вывод: пока Тон оказывал нажим на Директорию, она действовала; с его гибелью идея вторжения в Ирландию была забыта⁶².

Тон умел убеждать. Но обладай он даже сверхъестественным даром внушения, ему не удалось бы подвинуть Директорию на военные операции в Эйре, если бы его замысел не отвечал намерениям французского правительства. Удар по Британским островам военачальники республики считали надежнейшим способом покончить с неуязвимым врагом. В начале апреля 1796 г. Лазар Карно писал: «Англия — единственная страна, продолжающая войну. Стоит посмотреть, устоит ли она против 200000 солдат, высаженных на ее побережье»⁶³. Несколько раньше Лазар Гош предлагал провести военную диверсию в Британии силами корпуса, набранного из дезертиров, преступников и прочего сброда⁶⁴.

О проектах Карно и Гоша Тон, конечно, не подозревал. Однако враждебные отношения Франции с Британией не составляли секрета. И обращаясь к Директории, Тон подобрал безотказные доводы. В марте 1796 г. он направил Карно два меморандума. О республиканских идеалах, тирании англичан и рабстве ирландцев в них говорилось очень кратко, словно для приличия. Тон не взывал к сочувствию. Ему было ведомо, что политикой движет расчет, а не сентименты. Посему он скрупулезно, как бухгалтер, расписывает выгоды, кои даст Франции независимость Ирландии. Во-первых, Англия лишится флота, ибо большинство матросов — ирландцы. Во-вторых, богатство Британии зиждется на ограблении Эйре, следовательно, потеря «зеленого острова» нанесет непоправимый ущерб общему врагу французов и ирландцев. Вдобавок, военные операции не потребуют большого числа войск, так как десятки тысяч «Объединенных ирландцев» ждут лишь оружия, дабы начать революцию⁶⁵.

Меморандумы произвели нужное впечатление. Не связывая себя обязательствами, без особых затрат поразить врага в уязвимое место — разве не заманчиво? Тону поверили, хотя он явился «без рекомендаций». Впрочем, они были излишни: о Тоне во Франции слышали многие. И потому, сочтя его человеком полезным, приняли как «лицо почти официальное», своего рода поверенного в делах Ирландии. «Полагаю, — шутил Тон, — что я самый бедный посол в Париже ...Ровно с двумя луидорами в моей казне, я веду переговоры с французским правительством и готовлю революцию»⁶⁶.

Вначале Тону все давалось легко. Шарль Делакура, министр иностранных дел, принял его без проволочек и весьма благожелательно; заверял, что судьба Ирландии ему бесконечно дорога и обещал всяческое содействие. Попасть к Лазару Карно оказалось проще простого⁶⁷. На свой страх и риск Тон отправился к нему и, даже не назвавшись, тут же получил аудиенцию. Великий Карно держал себя истинным демократом. «Я увидел, — писал Тон, — как двух оборванцев допустили к Карно, и он дал им денег, а генералы вынуждены были ждать своей очереди»⁶⁸. В департаментах Тона встречали по-республикански, без церемоний. Казалось, будто вместе с монархией французы уничтожили дух казенщины. Но уже месяц спустя Тон досадовал на свою наивность.

Он угодил в банальнейшую чиновную круговерть. От него требовали докладных, теряли их, тянули с переводом на французский, пересылали из одного ведомства в другое. «Я не понимаю бездельников, напускающих на себя важный вид, — негодовал Тон, — которые желают свершать революции, но не дают себе труда исписать пару листков бумаги»⁶⁹. Впустую тратилось время, словно речь шла не о свободе целого народа. «Бедная, бедная Ирландия, — удручался Тон, — твоя судьба во власти клерков, возможно честных, но никуда не годных»⁷⁰. Было от чего впасть в уныние.

На первых порах Тон винил в проволочках бездарных чиновников. Не хотелось думать, что вожди «вооруженной нации» намеренно тянут с помощью Ирландии. Если так, то они «жалкие политиканы»⁷¹. Однако Джеймс Монро, американский посол в Париже, уверял Тона, что более сильного и одаренного правительства, к тому же столь энергичного, Франция не знала⁷². Тону было трудно разделить восторги Монро. Возможно, Директория не прочь отправить десант в Ирландию. Но одно дело — желание, другое — возможности. А их явно не хватало.

В конце марта 1796 г. Делакруа радостно сообщил Тону, что со дня на день поступят 3 млн ливров, из которых один пойдет на подготовку экспедиции⁷³. Но деньги так и не объявились. Мэджет, подчиненный Делакруа, друг злополучного У.Джексона, по секрету поведал Тону, что с финансами дело обстоит туго. Впрочем, о том, что Директория погрязла в долгах, Тон знал и без Мэджета. Об этом судачили и в очередях, и в салонах. По мнению Монро, у правительства оставался единственный выход — объявить себя банкротом⁷⁴. Тон, обжившийся в Париже, ощущал, насколько тревожна обстановка в стране. С продовольствием становилось все хуже, деньги обесценивались, система мандатов провалилась. В мае 1796 г. Тон не мог предсказать, справится ли правительство с «яростью голодного, недовольного населения»⁷⁵.

К своему огорчению Тон убедился, что французы мало похожи на пылких, возвышенных героев античности. Лежандр, бывший мясник, а ныне депутат Республики, протезирует мадемуазель Контан, явной роялистке! Никто его не осуждает, более того, многие депутаты, не таясь, обзавелись содержанками. «Быть может, у меня экстравагантные понятия о порядочности? — недоумевал Тон. — Протекция Лежандра? Я не признаю никакой протекции, кроме протекции закона!» Но никому нет дела до Лежандра, да и вообще французы безразличны к политике. «Воодушевление революции почти полностью исчезло», «Марсельезу» слушают в лучшем случае со скукой на лице⁷⁷. От войны Франция определенно устала. Карно сознался, что набор в армию идет с величайшим трудом, новобранцев, связанных по рукам и ногам, в повозках везут в части; дезертирство стало эпидемией⁷⁸. Даже триумфы итальянской армии не способны расшевелить французов. Побед просто не замечают. Впрочем, слух о гибели 15-тысячного отряда в Италии тоже не произвел ни малейшего впечатления⁷⁹. Что же будет дальше? «Я полагал, — писал Тон, — что молодое поколение вырастет добрыми республиканцами, но пока мои ожидания не оправдались»⁸⁰.

Апатия французов сердила Тона. Это вполне объяснимо: его революция только занималась, и он был преисполнен надежд и пыла. Во Франции надежды уходили в прошлое. Все же Тону обидно было расставаться с образом идеальной Франции. Он пытался оправдать республику, внушал себе, что энтузиазм не может длиться годами, даже если его подстегивать зрелищами. Тон хотел надеяться, что одряхление революции еще можно замедлить. «Поговаривают, — писал он в апреле 1796 г., — что в правительство войдет якобинская партия, не террористы, но подлинные якобинцы, начинавшие революцию. Я буду рад, если они вновь обретут силу, ибо полагаю, что лишняя энергия не повредила бы Франции»⁸¹.

Тон чувствовал, что за равнодушием французов кроется раздражение. Кто сыграет на нем? Роялисты? Мэджет боялся, как бы, услышав клич «Да здравствует король!», народ не подхватил его⁸². Такой исход Тон считал маловероятным. Конечно, немало аристократов уцелело, и ему доводилось встречать их. О кознях роялистов не раз рассказывали Карно и Гош, которому они всерьез досаждали. И все-таки Тон не верил в силу «бывших». «Похоже, — замечал он, — нет особой опасности возрождения аристократии»⁸³. Разумеется, случалось и республиканцы переметывались на сторону монархии. Среди них оказался прославленный Пишегрю. Его предательство казалось Тону не только мерзким, но и противоестественным: променять звание генерала Республики на презренный металл! Но как бы то ни было, «я не сомневаюсь, — писал Тон в сентябре 1797 г., — что армия покинула бы Пишегрю, как ранее она отвернулась от подонка Дюмюрье»⁸⁴. Нация, познавшая свободу, не способна изменить ей, убеждал себя Тон.

Однако Директории угрожали не только «бывшие». 11 мая 1796 г. Тон занес в дневник: «Сегодня объявлено о раскрытии заговора с целью уничтожения Директории, Законодательного собрания и восстановления конституции 1793 г.»⁸⁵ О замыслах Бабефа и его соратников Тон знал лишь из официозных газет, а стало быть, не знал ровным счетом ничего. Карно настойчиво намекал на «орлеанскую» подоплеку заговора, но Тон, при всем уважении к «организатору победы», не поверил ему⁸⁶. Среди арестованных значился Друэ, некогда помешавший бегству короля. Столь искренний, проверенный республиканец вряд ли примкнул бы к монархическому заговору. Да и в конституции 1793 г. Тон не находил ничего дурного: в Ирландии он предполагал ввести всеобщее избирательное право, без имущественных цензов. Как революционер он сочувствовал заговорщикам и был рад, когда после фрюктидора V года «правительство стало относиться более терпимо к якобинцам, которых судили вместе с Бабефом»⁸⁷. Но как посол «Объединенных ирландцев» не одобрял заговора. Конечно, слегка встряхнуть республику не помешало бы. «Правительство могло бы быть лучше, — рассуждал Тон, — но преимущества, которые можно получить от его перемены, не таковы, чтобы отважиться на превратности новой кровопролитной революции»⁸⁸. Какая ни есть, Директория изъявила готовность помочь Ирландии, и Тону оставалось молить о ее благополучии. И он был доволен, что большинство народа безучастно к призывам и роялистов, и ультраревольюционеров, а желает одного — «спокойствия во что бы то ни стало»⁸⁹.

Порой Тону сдавалось, что Директория удерживается только благодаря стремлению французов к покою. В критический момент она вряд ли овладела бы положением. У Тона создалось впечатление, что государственные мужи Франции заняты главным образом склоками и интригами. В ведомствах творилась явная неразбериха.

Во время второй встречи Делакруа попросил Тона замолвить перед Карно словечко за Приера! Министр, обращающийся с подобным ходатайством к малознакомому иностранцу! По крайней мере, необычно⁹⁰. Затем выяснилось, что план экспедиции, подготовленный Делакруа, совершенно неведом военному департаменту. Генерал Кларк, в будущем герцог империи, порекомендовал Тону иметь дело только с ним, ибо в его руках управление всей армией. Трюге, морской министр, в пику военному министру, затягивал снаряжение кораблей для десанта. Делакруа сулил свою поддержку? «Но чего стоят обещания министра! Его того и гляди отрешат от власти», — заметил Тон⁹¹. На его взгляд, министры менялись чересчур часто: то ли республика не умеет подбирать достойных людей, то ли не знает, что предпринять⁹². Среди ее чиновников самые разные люди: Кларк, сродственник знатнейших семей Британии, явно благоволящий аристократии; Мэджет и его помощник Ахерн — приверженцы «аграрного закона»⁹³. Тон предполагал вести переговоры с правительством республики «единой и неделимой». Но перед ним предстало некое пестрое скопище, в котором всяк вел свою частную политику. «С волками жить — по-волчьи выть», — заключил Тон⁹⁴. Волей-неволей ему пришлось влезать в интриги, заискивать, раздавать посулы, дабы заручиться полезным содействием и избежать сомнительных услуг.

«Несчастлив народ, чья судьба зависит от воли других», — писал Тон⁹⁵. В данном случае он имел в виду не английское господство, а союз с Францией, столь необходимый Ирландии. Тон начинал понимать, что ему предстоит не только добиться помощи, но и остеречься, чтобы она не обернулась ярмом.

Войны, которые ведет республика, несут свободу. Ее противники — монархии, следовательно, Франция сражается с деспотизмом, а это Тон считал самым существенным. Тем не менее он замечал неладное: итальянцы, спасенные французами от тирании, то и дело бунтовали; тирольские крестьяне встречали освободителей вилами и дубинами⁹⁶. Подобные известия Тон заносил в дневник без комментариев, видимо, не находя им объяснения.

Не мог Тон истолковать и странное отношение чинов Директории к будущей форме правления Ирландии. Делакура уверял, что Франция не возражает против монархического режима в Эйре, хотя республиканское правление, конечно, более совершенно⁹⁷. Иначе вел себя Кларк. Он настойчиво советовал не обижать ирландскую аристократию, а еще лучше — привлечь ее к революции. Тон заявил, что об этом не может быть и речи, «освобождение придет от народа, и только от него»⁹⁸. Однако, не вняв Тону, Кларк предложил установить в Ирландии монархию. Он всерьез рассуждал о возможных претендентах на трон и даже поинтересовался, не захочет ли Тон сам занять престол. Устав от назойливости генерала, Тон поведал, что не обладает талантами, позволяющими стать королем, Кларк удовлетворился таким ответом⁹⁹.

Прожекты Кларка можно было приписать незнанию Ирландии, расхожему мнению о дремучем невежестве ее народа. И все же Тон улавливал желание французов видеть ирландскую революцию респектабельной. Гош, человек довольно радикальных взглядов, предостерегал от избиения аристократов и чрезмерного террора. Впрочем, он согласился с предчувствиями Тона: лэндлордов вряд ли пощадят, ибо слишком долго и слишком жестоко они угнетали ирландцев¹⁰⁰. С Кларком найти взаимопонимания так и не удалось. Генерал советовал избегать черни и не принимать крутых мер, которые отпугнут людей состоятельных. «Что ж, — вынужден был ответить Тон, — если собственники нас не поддержат, они будут низвергнуты. Мы найдем поддержку среди многочисленного и уважаемого класса общества — людей, не обладающих собственностью»¹⁰¹. Похоже, именно этого и боялись правители Франции. Республика примирилась бы с учреждением монархии, но не желала повторения собственного опыта.

Грядущее правление волновало французских партнеров Тона гораздо меньше, нежели оплата услуг. Сей щекотливый вопрос обсуждался весьма обстоятельно. Тон не рассчитывал на бескорыстную помощь, но то, с чем он столкнулся, смахивало на вымогательство. В одной из первых бесед Делакура намекнул, что Франция, идя на жертвы ради свободы Эйре, ожидает от нее соответствующей «благодарности и принципиальности»¹⁰². Тон заверил, что Ирландия оплатит не только дружбой, но и чем-нибудь материальным по крайней мере, возьмет на себя содержание экспедиционного корпуса. Поскольку Ирландия славилась своей бедностью, обещания Тона сочли голословными. Пришлось заняться детальными подсчетами и объяснять, что конфискация поместий эмигрантов, церковных земель даст немалую сумму, гарантирующую оплату¹⁰³. Калькуляция убедила в платежеспособности Ирландии, а Кларк, которому Тон пообещал пожизненную пенсию, стал сговорчивее и расторопнее.

На Тоне лежала неимоверная ответственность. Он взывал к силе, которая могла спасти, но могла и погубить. «Я никогда не соглашусь на подчинение моей страны французскому контролю только ради того, чтобы избавиться от английского контроля», — писал он¹⁰⁴. Но иного выхода, кроме военной экспедиции, Тон не видел. Он ждал ее начала с нетерпением и страхом.

В конце 1796 г. десант под командованием Гоша был готов к отплытию. Накануне Тон пометил в дневнике: «Насколько я понимаю, с нами в Ирландию отправляется маленькая армия комиссаров, рассчитывающих на пожизну»¹⁰⁵. Общение с ними не оставляло сомнений: за полкроны они продадут и свободу Ирландии, и честь своей республики. А ведь комиссары представляли эту республику! Об этом Тон старался не думать. Однако позаботился о мерах, которые позволили бы устоять против «помощи» посланников Директории¹⁰⁶. К сожалению, он не раскрыл своего замысла, дав историкам повод для догадок. Но доподлинно известно, что, еще находясь в Париже, Тон пытался обезопасить Ирландию. При том хаосе, который царил в правительстве, командующие крупными соединениями мало считались с указаниями Директории. Посему Тон прилагал все усилия, чтобы пополнить в командующие экспедицией честного человека.

В 1796—1797 гг. «ирландское предприятие» возглавлял Лазар Гош. У Тона сложились с ним самые дружеские отношения. Они были сверстниками и людьми одного склада. Гош обладал тем, чего, по мнению Тона, недоставало многим деятелям Франции, — энергией и решительностью. Помимо всего прочего, Гош истово ненавидел роялистов, не до конца растерял свои якобинские настроения и недурно усмирал «господ комиссаров»¹⁰⁷. На генерала Тон мог положиться.

Но в сентябре 1797 г. произошли события, много изменившие в судьбе Тона: умер Лазар Гош, был смещен Карно. В правительстве появились новые лица, но никто из них не мог сравниться с Карно. Прежде Тон знал, что одно слово Карно весомее речей всех министров. Теперь он затруднялся сказать, кто вершит делами. Правда, Баррас и Талейран заверяли его в стремлении помочь Ирландии, но Тон не очень полагался на их обещания¹⁰⁸.

Впрочем, на фоне воцарившейся посредственности все отчетливее вырисовывалась новая политическая фигура, к которой стоило присмотреться.

25 апреля 1795 г. среди прочих новостей Тон упомянул в дневнике о победе, одержанной французами при Монтенотте. Ими командовал «генерал Буонапарте, корсиканец»¹⁰⁹. Так Тон впервые узнал это имя. Затем оно все чаще встречается в записках Тона: триумф командующего итальянской армией превосходил успехи остальных военачальников. В декабре 1797 г. Тон, стоя в толпе, встречал Бонапарта, торжественно въезжавшего в Париж после подписания мира с Австрией. Несколько раньше было объявлено о создании «Английской армии». В ее списках значился Уолф Тон.

Вскоре, 18 декабря, Тон был представлен Бонапарту и не раз встречался с ним: обсуждалась новая экспедиция в Ирландию. «Удивительно, как мало я могу сказать о нем», — признавался Тон, неплохо разбиравшийся в людях¹¹⁰. Внешне Бонапарт походил скорее на профессора математики, нежели генерала. Лицо непроницаемое, в нем нет и следа энергии, которой он славен. Тем не менее это «величайший человек в Европе»¹¹¹. По-видимому, Тон судил с чужих слов, ибо Бонапарт оставался для него личностью выдающейся, но непонятной. Влияние, которым Бонапарт пользовался в Директории, и его полководческий талант внушали надежду на добротную подготовку десанта и конечный успех. В Руане, где находился штаб «Английской армии», Тон познакомился с ближайшими сподвижниками генерала — Дезе, Мюратом, Клебером, и они понравились своей напористостью.

Но вместо Ирландии Бонапарт отправился в Египет. Тон не слишком удивился такому повороту событий. Он с самого начала подозревал, что сборы ирландского десанта ведутся для отвода глаз: чересчур громко возвещали газеты о предстоящей экспедиции. Тон понимал, что Бонапарту, давнему сопернику Гоша, не очень хотелось становиться преемником генерала, которого он недолюбливал. Не случайно после смерти Гоша близких к нему офицеров потеснили, а проекты отринули. По интонациям Бонапарта, по его отношению к диспозициям, составленным Гошем, Тон чувствовал, что генерала не прельщает высадка в Ирландии.

Пожалуй, Тон даже испытывал облегчение от того, что Бонапарт в Египте, а не в Ирландии. Как военачальник генерал был бы бесспорно полезен, но как политик представлял серьезную угрозу Эйре. Конечно, Тон не выпытывал у Бонапарта его политического кредо, но образ действий генерала в Италии был достаточно красноречив. Тон знал, что Бонапарт взимает с итальянцев крупные контрибуции, весьма нелишние для Директории. Но ничего предосудительного в том не видел: обычай войны, к тому же побежденные — монархи¹¹². Возмущало иное: Бонапарт навязывал свои установления освобожденным народам! Республиканский генерал «покушается на неотъемлемые права народа!»¹¹³ В Ирландии ему это даром бы не прошло.

Порой генерал допускал в частных беседах весьма настораживающие высказывания. В феврале 1798 г. Льюинс, соратник Тона, недавно прибывший в Париж, стал очевидцем впечатляющей сцены. В разговоре с Бонапартом кто-то помянул бабувистов, чем привел генерала в ярость. «Они желают конституции 1793 г., — кричал он, — но не получают ее, смерть тому, кто ее потребует... Если бы мне пришлось выбирать между монархией и системой этих господ, я, не задумываясь, высказался бы за короля»¹¹⁴. Тон, несомненно, избрал бы иное. По отдельным штрихам трудно было составить портрет Бонапарта. Однако даже в этих черточках проступало нечто чуждое Тону. Но Бонапарт входил в силу.

«Морской министр вызывает меня в Париж»¹¹⁵. Это последняя запись в дневнике Тона, сделанная 30 июня 1798 г. Месяц спустя он ступил на борт фрегата «Гош», входившего в состав третьей, последней экспедиции, вытребованной у Директории другом Л.Гоша генералом Умбертом.

Кем стал бы Тон, если бы десант одержал победу и к власти пришли бы «Объединенные ирландцы»? Ирландским Робеспьером? А может, Наполеоном? Рассуждения на сей сюжет встречаются в работах, посвященных Тону. Гадать, впрочем, бесполезно. Несомненно одно: пребывание во Франции не прошло для него бесследно. Он застал лишь блеклую тень той республики, перед которой преклонялся и почитал за образец. Но поучительны не только чужие добродетели, но и чужие пороки. Чем дальше отстояла Франция Директории от идеала, тем радикальнее становились воззрения самого Тона. В его дневниках Франция начала революцию и исследует с Францией ее заката, словно пограничные, но все же разные государства.

ФРАНЦИЯ ВРЕМЕН ДИРЕКТОРИИ В «ДНЕВНИКАХ» Т. У. ТОНА

1 См.: Джексон Т.А. Борьба Ирландии за независимость. М., 1949. С.235.

2 Конноли Дж. Рабочий класс в истории Ирландии. М., 1969. С.103—105.

3 См.: Устименко Ю. Познакомьтесь: Ирландия. М., 1978. С.81.

4 MacManus M.J. A Bibliography of T. W. Tone. Dublin, 1940.

5 Boylan H. Wolfe Tone. Dublin, 1981.

6 Cronin S., Roche R. Freedom, the Wolfe Tone's Way. Dublin, 1973. P.78.

7 Подробнее см.: История Ирландии. М., 1980. С.147—185; Черняк Е.Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М., 1962; Jacob R. The Rise of the United Irishmen. L., 1937; Madden R. The United Irishmen, their Lives and Times. In: 4 vol. Dublin, 1857—1860.

8 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.45. С.12, 14.

9 История Ирландии. С. 171.

10 Керженцев П. Ирландия в борьбе за независимость. М., 1936; Тарле Е.В. Ирландия от восстания 1798 г. Соч. М, 1957. Т.1. С.310—376; Черняк Е.Б. Указ.соч. С.466—653.

11 Toty T.W. Life of T.W.Tone, written by himself, with selections from his diary. In: 2 vol. Wash., 1826. Далее все ссылки даны на издание: Memoirs of T.W. Tone, written by himself. In: 2 vol. L., 1937.

12 Tone T.W. Autobiography Abridged by S.O'Faolain. L., 1937; Tone T.W. Autobiography. In: 2 vol. Dublin, 1910; Autobiography. In: 2 vol. L., 1893.

13 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. С. 314.

14 Memoirs of T. W. Tone. Vol. 2. P. 69.

15 Williams H.M. Letters from France. L., 1793; Politics of France. L., 1795.

- 16 Memoirs of T.W Tone. Vol. 1 P. 191.
- 17 О юношеских годах Т.Тона см.: Ibid. P.11—38.
- 18 Ibid. P.25.
- 19 Tone T.W Review of the Conduct of Administration during 7th Session of Parliament. Dublin, s.a.
- 20 Hayes R. Ireland and Irishmen in the French Revolution. L., 1932; Guillon E. La France et l'Irlande pendant la Revolution. P., 1888; Lecky W.E. History of Ireland in the 18 century In: 5 vol L., 1892.
- 21 Memoirs of T. W. Tone. Vol.1 P.60—61
- 22 Lecky W.E. History of Ireland... Vol.3. P.206.
- 23 Memoirs of T.W.Tone. Vol.1. P.51.
- 24 Lecky W.E. Leaders of Public opinion in Ireland, In: 2 vol. N.Y., 1912.
- 25 Memoirs of T.W.Tone. Vol 2. P.303.
- 26 Ibid. Vol.1. P.405.
- 27 Ibid P.426.
- 28 Ibid. P.276.
- 29 Ibid. P.420.
- 30 Lecky W.E. History of Ireland... Vol.3. P.197.
- 31 McDermot F.T. W. Tone and his Times Dublin, 1971. P.106—111.
- 32 Подробнее см.: Ibid. P.60—61.
- 33 Цит. по: Конноли Дж. Указ.соч. С.108.
- 34 Подробнее см.: Kennedy W.B. Conspiracy Tinged with Blarney. B: Consortium on Revolutionary Europe. Proceedings. Athens, 1978. P.48.
- 35 Lecky W.E. History of Ireland . Vol. 3. P.200; McDermot F Op.cit P.98.
- 36 О «деле Джексона» см.: Memoirs of T.W.Tone. Vol.1. P.163—173.
- 37 Ibid. P.191.
- 38 Ibid.
- 39 Ibid. P.202—203.
- 40 Ibid. P.209
- 41 Ibid. P.103.
- 42 Ibid. P.185.
- 43 Ibid P 200
- 44 Ibid P 201
- 45 Цит по Boylan H. Op.cit. P.56.
- 46 Тарле Е В Указ соч С 337.
- 47 Memoirs of T W Tone Vol 1 P 205
- 48 Ibid P.210.
- 49 Ibid P.211.
- 50 Ibid P.323.
- 51 Ibid P.202.
- 52 Ibid P.220.
- 53 Ibid P.321.
- 54 Ibid P.240.
- 55 Ibid. Vol.2. P.240.
- 57 Ibid. P.318.
- 56 Ibid. Vol.1. P.212.
- 58 Lecky W.E. History of Ireland... Vol.3. P.194; Boylan H. Op.cit. P.27.
- 59 Memoirs of T.W. Tone. Vol.1. P.138.
- 60 Ibid. Vol.2. P.28.
- 61 Цит. по: Carty J. Ireland... Dublin, 1952. P. 83.
- 62 Bradley P.B. Bantry Bay: Ireland in the Ireland of T.Tone L., 1931.
- 63 Цит. по: Reinhard M. Le Grand Carnot. In: 2 t. P., 1952. T.2. P.216.
- 64 Ibid
- 65 Memoirs of T.W.Tone. Vol 2. P.371—395.
- 66 Ibid P.68.
- 67 Ibid Vol.1. P.253-266.

66 Ibid P.68.
67 Ibid Vol.1. P.253-266.
68 Ibid P.238.
69 Ibid P.295.
70 Ibid Vol.2. P.9.
71 Ibid Vol 1 P 270
72 Ibid P 235—236.
73 Ibid P.248.
74 Ibid P.237.
75 Ibid P.271.
76 Ibid Vol.2.
77 Ibid P.31.
78 Ibid P.78.
79 Ibid P.80.
80 Ibid P.31.
81 Ibid. Vol.1. P.271.
82 Ibid. P.271.
83 Ibid. P.261.
84 Ibid. Vol.2. P.267.
85 Ibid. P.27.
86 Ibid.P.78.
87 Ibid. P.286.
88 Ibid. P.27.
89 Ibid.
90 Ibid. P.236.
91 Ibid. P.24.
92 Ibid. P.24.
93 Ibid. P.4.
94 Ibid. P.25.
95 Ibid. P.3.
96 Ibid. P. 288.
97 Ibid. Vol.1. P.266.
98 Ibid. P.276.
99 Ibid. Vol.2. P.91.
100 Ibid
101 Ibid. P.266.
102 Ibid. Vol.1. P.253.
103 Ibid Vol.2. P.371-395.
104 Ibid p.9.
105 Ibid P.158.
106 Ibid. P.234.
107 Ibid. Pill
108 Ibid. P. 272, 277, 298.
109 Ibid. P.17.
110 Ibid. P.280.
111 Ibid. P.278.
113 Ibid. P.237.
112 Ibid P.42.
114 Ibid. P.287.
115 Ibid. P.337.